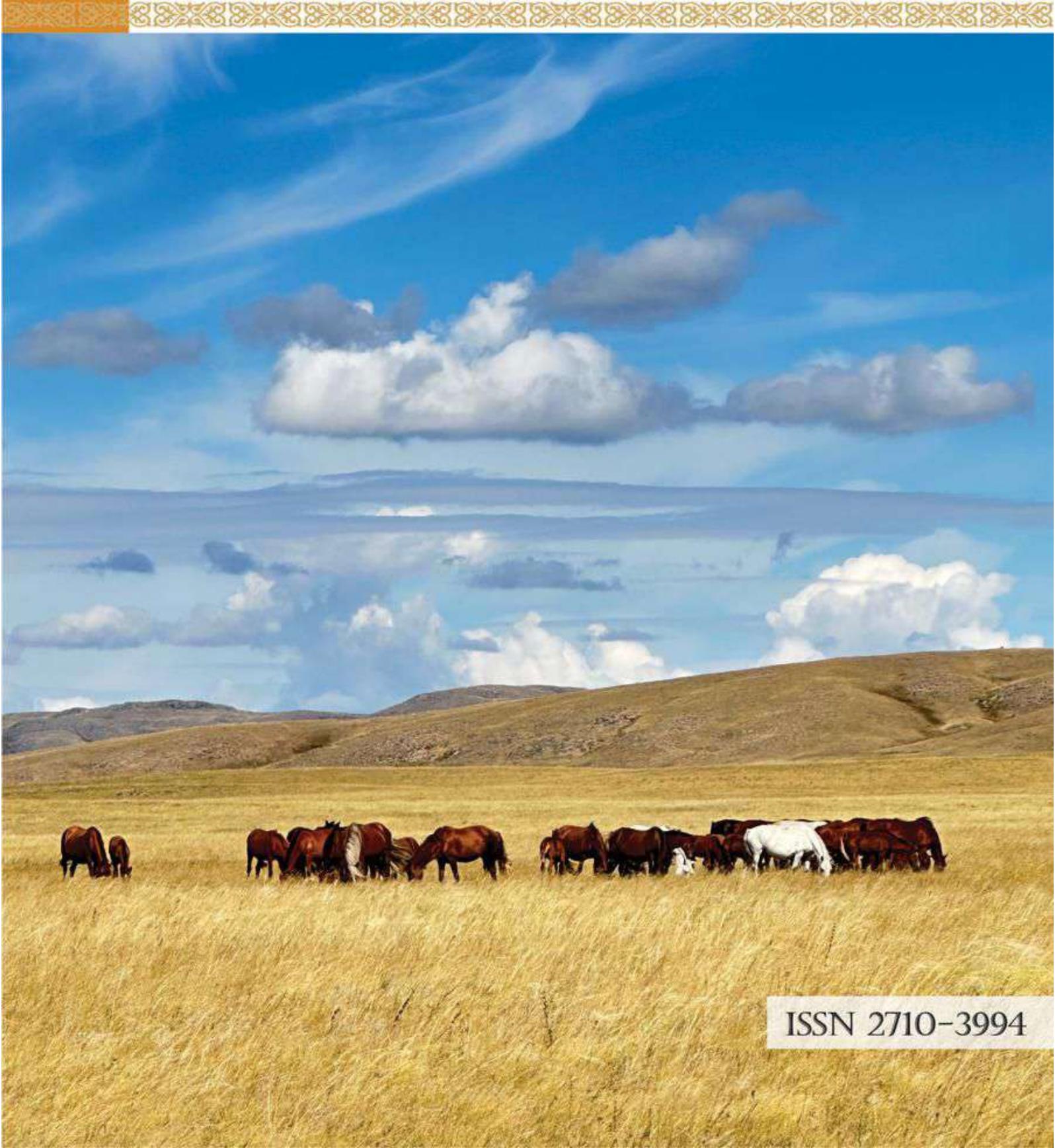

2025, 12 (3)

Asian Journal "STEPPE PANORAMA"

ISSN 2710-3994

ISSN 2710-3994 (online)

Құрылтайшысы және баспагері: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2025 ж. 5 сәуірде тіркелген. Тіркеу нөмірі № KZ91VPY00116246. Жылына 6 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Журналда тарих ғылымының *келесі бағыттары* бойынша ғылыми жұмыстар жарияланады: тарих, этнология.

Жарияланым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын.

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Журнал сайты: <https://ajspiie.com>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты 2025
© Авторлар ұжымы, 2025

БАС РЕДАКТОР

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР ҒЖБМ ҒКШ.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас директоры. (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Аутрам Алан (Outram Alan) — археология ғылымдарының докторы, Эксетер университеті, тарих және археология кафедрасының профессоры. (Ұлыбритания)

Аширов Адхамжон Азимбаевич — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Тарих институтының Этнология және антропология орталығының меңгерушісі. (Өзбекстан)

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)

Әлімбай Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Вернер Кунтһиа (Werner Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті. (АҚШ).

Дайнер Александр (Diener Alexander) – тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті, (АҚШ)

Көксебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. (Қазақстан)

Кригер Виктор (Kriege Viktor) — тарих ғылымдарының докторы, Нюрнбергтегі Бавариялық немістер мәдени орталығының (BKDR) ғылыми қызметкері. (Германия)

Оайон Изабель (Ohayon Isabelle) — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, CERCEC директорының орынбасары, Францияның Ұлттық ғылыми зерттеу орталығының (CNRS) қызметкері. (Франция)

Сабурова Татьяна — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Индиана университеті. (АҚШ)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, Оксфорд университетінің профессоры. (Ұлыбритания)

Муминов Ашірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті. (Литва)

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Қапаева Айжан Тоқанқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Қубеев Рустем Жаулыбайұлы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Копеева Сания Жуматайқызы — магистр, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының қызметкері. (Қазақстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова»
Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации
Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство
о регистрации:

№ KZ91VPY00116246 от 03.04.2025 г. Публикуется 6 раз в год (в электронном формате).

В журнале публикуются научные работы *по следующим направлениям* исторической науки:
история, этнология.

Языки публикации: казахский, русский, английский.

Адрес редакции и издательства:

050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28

РГП на ПХВ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Сайт журнала: <https://ajspiie.com>

© Институт истории и этнологии
имени Ч.Ч. Валиханова, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, генеральный директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МНВО РК. (Казахстан)

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Аутрам Алан (Outram Alan) — доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории Университета Эксетера. (Великобритания)

Аширов Адхамжон Азимбаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром этнологии и антропологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан. (Узбекистан)

Вернер Синтия (Werner, Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет. (США)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет (США)

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая. (Казахстан)

Кригер Виктор (Kriege Viktor) — доктор исторических наук, научный сотрудник Баварского культурного центра немцев (BKDR) в Нюрнберге. (Германия)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета. (Великобритания)

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры. IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция)

Оайон Изабель (Ohayon Isabelle) — кандидат исторических наук, профессор, заместитель директора CERCEC, сотрудник Национального центра научных исследований Франции (CNRS). (Франция)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет. (Литва)

Сабурова Татьяна — доктор исторических наук, профессор, Университет Индианы. (США)

Таймагамбетов Жакен Кожаметович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК. (Казахстан)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Капаева Айжан Токановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

Кубеев Рустем Джаулыбайулы — научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Копеева Сания Жуматаевна — магистр, сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Founder and publisher: RSE on REM "Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology" of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, registration certificate: No. KZ91VPY00116246 dated 03.04.2025. The journal is published 6 times a year (in electronic format).

The journal publishes scientific works in the *following areas* of historical science: history, ethnology.

Publication languages: Kazakh, Russian, English.

Editorial and publisher address:

28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan

RSE on REM Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MSHE of the Republic of Kazakhstan

Tel.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Journal website: <https://ajspiie.com>

© Ch.Ch. Valikhanov Institute
of History and Ethnology, 2025
© Group of authors, 2025

EDITOR-IN-CHIEF

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, General Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK. (Kazakhstan)

EDITORIAL BOARD

Abil Yerkin Amanzholovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK. (Kazakhstan)

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Azimqulov Javohir — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Ethnology and Anthropology at the Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. (Uzbekistan)

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas. (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University. (Kazakhstan)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Abai Kazakh National Pedagogical University. (Kazakhstan)

Kriege Viktor — Doctor of Historical Sciences, Researcher at the Bavarian Cultural Center of Germans (BKDR) in Nuremberg. (Germany)

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford. (UK)

Muminov Ashirbek Kurbanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture. IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Turkey)

Ohayon Isabelle — Candidate of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of CERCEC, Researcher at the French National Center for Scientific Research (CNRS). (France)

Outram Alan — Doctor of Archaeological Sciences, Professor in the Department of Archaeology and History at University of Exeter. (Britain)

Rimantas Želvys — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University. (Lithuania)

Saburova Tatiana — Doctor of Historical Sciences, Professor, Indiana University. (USA)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan. (Kazakhstan)

Werner, Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university. (USA)

EXECUTIVE EDITOR

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna — Candidate of Historical Sciences, leading researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

ACADEMIC EDITOR

Kapaeva Aizhan Tokanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Kubeyev Rustem Dzhaulybayuly — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

TECHNICAL SECRETARY

Kopeyeva Saniya Zhumataevna — Master's, researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

ТАРИХ / ИСТОРИЯ / HISTORY

Published in the Republic of Kazakhstan
Asian Journal “Steppe Panorama”
Has been issued as a journal since 2014
ISSN 2710-3994.
Vol. 12. Is. 3, pp. 727-742, 2025
Journal homepage: <https://ajspiie.com>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2025_12_3_727-742

LEGALITY AS IDEOLOGY AND EXCLUSION AS PRACTICE: THE “PUNISHED PEOPLES” IN THE SYSTEM OF SPECIAL SETTLEMENTS (1948–1953)

*Bolatkhan Aliya*¹

¹University of Zurich
(8050 Zurich, Switzerland)
Researcher

 <https://orcid.org/0000-0002-4594-4545>. E-mail: aliya.bolatkhan@uzh.ch

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2025
© Bolatkhan A., 2025

Abstract. *Introduction.* This paper examines the experiences of members of the so-called “punished peoples” who were placed in the Soviet system of special settlements on the territory of the Kazakh SSR – one of the largest resettlement zones in the postwar period within the USSR. The analysis focuses on the legal foundations of their status and the everyday consequences for their social inclusion and life opportunities. *Aims and Objectives.* The aim of the study is to analyze the legal status of special settlers, identify which rights and freedoms were restricted, and explore how their status differed from that of other Soviet citizens. The objectives include examining the legal framework, administrative practices, and individual case studies that reflect life under the special settlement regime. *Findings.* The analysis of sources reveals that special settlers systematically faced restrictions on basic rights – such as freedom of residence, movement, and employment, access to education, the right to family reunification. These limitations were institutionally embedded and enforced through routine mechanisms of administrative control. *Original contribution.* The paper introduces the concept of the “ideology of legality” as an analytical tool for understanding the Soviet legal rhetoric that concealed a practice of mass exclusion. *Conclusion.* The special settlement system functioned as a sustained mechanism of legal exclusion, concealed beneath a facade of formal legality. It stood in direct contradiction to the principles proclaimed in the Soviet Constitution and effectively undermined fundamental human rights.

Keywords: Special settlers, special settlement system, punished peoples, human rights, Kazakh SSR
For citation: Bolatkhan A. Legality as ideology and exclusion as practice: the “punished peoples” in the system of special settlements (1948–1953) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 3. Pp. 727–742. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_3_727-742

ЗАҢДЫЛЫҚ – ИДЕОЛОГИЯ, ШЕТТЕТУ – ТӘЖІРИБЕ: КҮШТЕП ҚОНЫС АУДАРУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ «ЖАЗАЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР» (1948–1953)*Болатхан Әлия¹*¹Цюрих университеті
(8050, Цюрих, Швейцария)

Зерттеуші

 <https://orcid.org/0000-0002-4594-4545>. E-mail: aliya.bolatkhan@uzh.ch

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2025

© Болатхан Ә., 2025

Аңдатпа. *Kіріспе.* Мақала күштеп қоныс аудару жүйесіндегі «жазаланған халықтардың» тәжірибесін талдауға арналған. Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі кезеңде Қазақ КСР территориясы сталиндік репрессиялық саясат аясында күштеп қоныс аударылған континенттер шоғырланған ең ірі аймақ болды. Бұл зерттеу күштеп қоныс аудару жүйесіндегі «жазаланған халықтардың» құқықтық жағдайы негіздеріне және оның күнделікті өмірдегі мүмкіндіктерге тигізген әсеріне ерекше назар аударады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты — күштеп қоныс аударылғандардың қандай құқықтары мен бостандықтары шектелгенін және олардың КСРО-ның басқа азаматтарының жағдайынан қалай ерекшеленгенін талдау. Міндеттерге нормативтік-құқықтық базаны, әкімшілік тәжірибелерді және күштеп қоныс аудару жүйесі жағдайындағы өмір тәжірибені сипаттайтын жеке іс үлгілерін талдау кіреді. *Нәтижелер.* Дереккөздерді талдау нәтижесінде күштеп қоныс аударылғандардың тұрғылықты жерді таңдау, еркін жүру және еңбек ету, білім алу және отбасымен қайта қосылу құқықтарының жүйелі түрде шектелуін көрсетті. Бұл шектеулер институционалдық сипатта болып, әкімшілік бақылаудың күнделікті жұмыс-әрекеттері арқылы жүзеге асырылған. *Ғылыми жаңалығы.* Зерттеуде кеңестік құқықтық риториканың жаппай шеттету практикасын жасыру үшін қолданылған «заңдылық идеологиясы» ұғымы аналитикалық түсінік ретінде енгізіледі. *Қорытынды.* Күштеп қоныс аудару жүйесі формалды нормалардың сақталуын көрсеткенімен, іс жүзінде құқықтық шеттетудің тұрақты тетігі ретінде жұмыс істеген. Бұл жүйе КСРО Конституциясында жарияланған қағидаттарға да, әмбебап адам құқықтарына да қайшы келген.

Түйін сөздер: Күштеп қоныс аударылғандар, күштеп қоныс аудару жүйесі, жазаланған халықтар, адам құқықтары, Қазақ КСР

Дәйексөз үшін: Болатхан Ә. Заңдылық – идеология, шеттету – тәжірибе: күштеп қоныс аудару жүйесіндегі «жазаланған халықтар» (1948–1953 жж.) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 3. 727–742 бб. (Орысш.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_3_727-742

ИДЕОЛОГИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАКТИКА ИСКЛЮЧЕНИЯ: «НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ» В СИСТЕМЕ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ (1948–1953 ГГ.)*Болатхан Алия¹*¹Цюрихский университет
(8050, Цюрих, Швейцария)

Исследователь

 <https://orcid.org/0000-0002-4594-4545>. E-mail: aliya.bolatkhan@uzh.ch

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2025

© Болатхан А., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу опыта представителей «наказанных народов», размещённых в системе спецпоселений на территории Казахской ССР – одного из крупнейших регионов расселения спецпоселенцев в послевоенный период в СССР. Особое внимание уделяется правовым основаниям их статуса и повседневным последствиям для социальной включённости и жизненных возможностей спецпоселенцев. *Цели и задачи.* Цель исследования – проанализировать положение спецпоселенцев с акцентом на то, какие права и свободы были для них ограничены, и в чём их статус отличался от положения остальных граждан СССР. Задачи включают анализ нормативной базы, административных практик и индивидуальных кейсов, отражающих опыт жизни в условиях спецпоселения. *Результаты.* Анализ источников показал, что спецпоселенцы систематически сталкивались с ограничениями прав – на выбор места жительства, свободу передвижения и труда, право на образование и воссоединение с членами семьи. Эти ограничения имели институциональную основу и реализовывались через повседневные механизмы административного контроля. *Научная новизна.* В исследовании вводится понятие «идеология законности» как аналитическая рамка для описания советской правовой риторики, прикрывавшей практику массового исключения. *Вывод.* Система спецпоселений действовала как устойчивый механизм правового исключения, замаскированный под соблюдение формальных норм. Она противоречила провозглашённым принципам Конституции СССР и подрывала универсальные права человека.

Ключевые слова: Спецпоселенцы, система спецпоселений, наказанные народы, права человека, Казахская ССР

Для цитирования: Болатхан А. Идеология законности и практика исключения: «наказанные народы» в системе спецпоселений (1948–1953 гг.) // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 3. С. 727–742. (На Русс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_3_727-742

Введение

Сталинские репрессии, охватывающие период с конца 1920-х до начала 1950-х годов, реализовывались в различных формах и через разветвлённую систему институциональных механизмов. Одним из ключевых её элементов стала система спецпоселений, основанная на административном контроле и надзоре за различными категориями принудительно переселённых лиц. После принятия решения о высылке определённых групп населения они направлялись в специально отведённые районы, где им присваивался статус спецпоселенцев. С этого момента их хозяйственное устройство, трудовое распределение и повседневная жизнь находились под постоянным контролем со стороны спецкомендатур. Иными словами, система спецпоселений выступала важным инструментом изоляции, подавления и управления теми, кто рассматривался как «неблагонадёжный» или «враждебный» по отношению к советской власти.

Формирование системы спецпоселений восходит к практике «кулацкой ссылки» 1930-х годов. В дальнейшем её административный аппарат был выведен из структуры ОИТК НКВД и преобразован в самостоятельный Отдел спецпоселений НКВД СССР 17 августа 1944 года. С 1946 года данная структура функционировала в рамках МГБ–МВД и представляла собой автономную систему, ориентированную на административное управление, оперативный учёт и надзор за спецпереселенцами. К началу 1953 года система спецпоселений достигла своего пика, охватывая около трёх миллионов человек, значительную часть которых составляли представители народов, насильственно выселённых по национальному признаку: немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары и другие. Период 1948–1953 годов стал временем институционального укрепления системы, что делает этот этап особенно показательным для изучения репрессивного характера государственной политики в отношении данной категории населения (Болатхан и Калыбекова, 2024: 928–929).

Обсуждение

Решение советского руководства во главе со Сталиным о массовом выселении целых народов в годы Второй мировой войны было продиктовано множеством взаимосвязанных факторов и до сих пор остается предметом оживленных дискуссий. Хотя официально депортации обосновывались обвинениями в коллективной измене, неблагонадежности и угрозе государственной безопасности, на практике они выступали инструментом реализации идеологических, политических и экономических задач. В этой логике автор статьи полагает, что решающую роль играли устойчивые этнические стереотипы и исторически закрепившийся образ отдельных народов как «ненадежных».

Одним из трёх ключевых объяснений массовых этнических чисток в Советском Союзе, по мнению Терри Мартина, является фактор устойчивой этнической враждебности. Т. Мартин отмечает, что некоторые этнические группы, такие как чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы, сталкивались с острыми этническими конфликтами как в царский период, так и в начальные годы советской власти. При этом он допускает наличие исключений, упоминая калмыков, чья история, по его мнению, не характеризуется аналогичным уровнем сопротивления и межэтнической напряжённости. Вместе с тем он обращает внимание на дагестанцев, которые, несмотря на участие в множественных этнических конфликтах, депортации не подверглись (Martin, 1998: 859).

Однако если рассматривать причины депортации не только через призму участия в межэтнических конфликтах, но и в контексте исторически сложившегося недоверия, включая враждебность, сопротивление и восприятие политической ненадежности, то депортация калмыков не представляет собой исключение. Напротив, она служит дополнительным примером того, как распространённая этническая враждебность могла стать фактором, повлиявшим на инициирование советской этнической чистки. Исторически закрепившееся представление о калмыках как о «ненадежном и нелояльном народе», сформировавшееся ещё в царский период, вполне могло сыграть значительную роль в принятии решения об их депортации в советское время.

Советская политика в отношении калмыков во многом наследовала стереотипы и представления, сформированные ещё в царский период. Михаил Ходарковский показывает, что ещё во времена Российской империи отношения между калмыками и государством строились на асимметриях власти и культурных непониманиях, что способствовало формированию устойчивого образа калмыков как «неверных» (Khodarkovsky, 1992: 58–74, 230–241). Эти восприятия отчасти продолжали влиять на политику и в советскую эпоху. Сталин, в чьей политической идентичности переплетались как советские, так и русские элементы (Naimark, 2001: 89), в ответе на поправки к резолюции XII съезда РКП (б) от 25 апреля 1923 года по вопросу калмыков писал: *«Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины»* (Бугай, 1992: 9). Помимо транснациональных связей, напряженность в отношении калмыков усиливалась их сопротивлением социалистическим преобразованиям, особенно в период коллективизации. Их преимущественно кочевой образ жизни противоречил усилиям советской власти по унификации социального устройства (Weitz, 2003: 80). В результате всё калмыцкое население было подвергнуто депортации, поскольку воспринималось режимом как потенциальная угроза в силу предполагаемой враждебности и комплекса взаимосвязанных факторов. Такой образ калмыков отражал опасения советского руководства, что калмыков невозможно трансформировать в «национальную форму с социалистическим содержанием», поскольку их историческое самосознание находилось под влиянием «враждебных классовых сил» и внешних государств (Volatkhan, 2023: 311). В соответствии с логикой советской национальной политики национальность рассматривалась как ключевой организующий принцип, а развитие – как процесс, реализуемый в форме «национальной по форме, социалистической по содержанию». Следовательно, депортации народов времен Второй мировой войны и их

последствия следует интерпретировать не только как попытки «перевоспитания» этих этнических групп посредством ссылки, но и как превентивные меры (Naimark, 2001: 85–89; Hirsch, 2002: 38; Weitz, 2003: 82; Hirsch, 2005: 5–9). Тем не менее, это не отменяет того, что каждое отдельное решение о депортации было результатом сложного набора факторов. Например, депортированные, впоследствии ставшие спецпоселенцами, составляли значительную часть контингента принудительных трудовых ресурсов (Земсков, 2005а: 115, 138; Бердинских и др., 2015: 5). Это указывает на то, что данный процесс был также тесно связан с экономическими мотивами, что необходимо учитывать при анализе политики коллективного наказания этнических групп в целом.

В научной литературе обращается внимание на то, что спецпоселенцы обладали статусом формального гражданства, при этом фактически лишались возможности пользоваться основными правами. Постановление СНК СССР от 8 января 1945 года, официально признававшее спецпереселенцев гражданами, одновременно содержало перечень ограничений, сводивших это «полноправие» к декларации (Земсков, 2005: 170). В условиях принудительного прикрепления к территории и административного надзора основным обязательством становился труд — как правило, без права выбора его характера и условий. Подобная практика противоречила основополагающему принципу, закреплённому в статье 118 Конституции СССР 1936 года, согласно которому право на труд включало возможность свободного выбора профессии и места работы (Шадт, 2000: 174). Особенно жёсткие последствия имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, установивший бессрочный характер спецпоселения (История сталинского, 2004: 585)

В соответствии с ним каждый высланный обязан был подписать уведомление о «вечной ссылке», а самовольный выезд из места поселения без разрешения влек за собой наказание в виде двадцати лет каторжных работ. Ограничения свободы передвижения сопровождались целым рядом дополнительных официальных и неформальных запретов, способствовавших формированию устойчивого состояния социальной и правовой изоляции. В результате гражданские права, формально закреплённые за спецпереселенцами, на практике оказывались недоступными и незащищёнными (Бердинских и др., 2015: 171; Шнайдер, 2008: 294).

Однако несмотря на наличие различных объяснений, до сих пор остаётся трудно уловимым конкретное содержание этих ограничений в повседневной жизни спецпоселенцев. Настоящая статья предлагает рассматривать статус спецпоселенца не как временную меру ограничения свободы, а как институционализированную систему долгосрочного лишения базовых прав человека.

В этом контексте вводится условное понятие «идеология законности» — как совокупность риторических и нормативных практик, с помощью которых советская власть формировала образ правового порядка и всеобщего гражданского равенства, одновременно реализуя политику системного исключения.

Статья выдвигает аргумент о том, что правовой и идеологический нарратив, сопровождавший функционирование системы спецпоселений, по сути являлся фасадом — «витриной» советской законности. Формально провозглашённое равенство, согласно которому спецпоселенцы из числа так называемых «наказанных народов» обладали теми же правами, что и прочие граждане СССР, создавало иллюзию правового порядка. На практике эти положения сопровождались системной изоляцией и глубинным ограничением прав, прежде всего — невозможности выбора места жительства, свободы передвижения, принудительном труде, ущемлении прав на получение образования и воссоединение с членами семьи.

Материалы и методы

Основу источниковой базы исследования составляют архивные материалы, прежде всего личные дела спецпоселенцев, проживавших на территории Казахской ССР и отнесённых к категории «выселенцы-спецпоселенцы» по национальному признаку. Эти документы представляют собой уникальный корпус, позволяющий реконструировать систему контроля и

надзора, действовавшую в спецпоселениях в отношении депортированных по признаку коллективной вины. Личные дела включают анкетные профили, фотографии, нормативные документы, личные письма, жалобы, агентурные донесения и др. Они не только фиксируют фактические обстоятельства жизни, но и раскрывают, как сами спецпоселенцы воспринимали и переживали своё положение.

Материалы привлечены из фондов 4-го отдела МВД Казахской ССР – «Коллекция контрольно-наблюдательных дел, направленных на спецпоселение» (ф. 9), рассекреченной в 2021 году благодаря деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Документы доступны в филиалах архива Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан – в Астане и Алматы. Внутри текстовых ссылок используется обозначение: ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы), ҚР БП ҚСАЕАКА (Астана) и т. д. Дополнительно использован широкий спектр вторичных источников, включая советские сборники документов сталинского периода и актуальные исследовательские работы по теме.

В исследовании используется историко-документальный подход с акцентом на качественный анализ источников. Фактическая документальная база включает материалы Алма-Атинской области Казахской ССР, с основным хронологическим фокусом на период 1948–1953 годов. Отдельные примеры выходят за рамки указанных лет, позволяя проследить как предысторию установившихся практик, так и их продолжение действия в последующий период. Наряду с этим анализируются нормативные документы разного ведомственного происхождения, что позволяет применять элементы правового анализа в историческом контексте.

Результаты

Лишение права выбора места жительства и ограничение свободы передвижения

Так как в случае депортации народов в период Второй мировой войны сам акт насильственного переселения носил карательный характер, о правах человека в данном контексте говорить не приходится. По прибытии в места обязательного проживания депортированные становились частью контингента спецпоселений. Спецпоселенцы обязаны были проживать в установленных органами НКВД–МВД–МГБ населённых пунктах и не имели права покидать их без специального разрешения.

Место обязательного поселения в основном располагались в малозаселённых, климатически неблагоприятных регионах, что усугубляло условия жизни и делало адаптацию крайне сложной. Для многих спецпоселенцев невозможность сменить место жительства даже в случае тяжёлой болезни или семейных обстоятельств становилась источником дополнительного страдания. Так, в ноябре 1955 года калмык-спецпоселенец просил разрешение сменить место обязательного поселения в связи с состоянием здоровья жены (ҚР БП ҚСАЕАКА (Астана), Ф. 9, Д. 42522, Л. 23):

«подавая настоящее заявление, прошу вашего разрешения поменять место жительства, так как у меня жена страдает от суставной ревматизм.

Имеется заключение врача, о том, что переменить место жительства, то есть надо ей сухой и жаркий климат. Медицинскую справку прилагаю. Прошу просьбе не отказать».

В другом случае спецпоселенка 1904 года рождения, проживавшая в Алтайском крае, обратилась с просьбой о переводе в Казахскую ССР к брату. В заявлении она ссылалась на ухудшение здоровья и невозможность обеспечить себя и дочь трудом. Положительный ответ был получен лишь спустя девять лет (ҚР БП ҚСАЕАКА. Ф. 9., Д. 515., Л. 8–9).

Подобные случаи наглядно демонстрируют репрессивный характер ограничений свободы передвижения: даже при наличии жизненно важных обстоятельств спецпоселенцы годами не могли добиться разрешения на переезд. Эта практика была частью более широкой системы административных репрессий, в рамках которой спецпоселения выполняли функцию изоляции с элементами принудительного труда. Хотя формально система спецпоселений как административно-репрессивный институт существовала параллельно с системой ГУЛАГа, по

своей сути она представляла собой схожий по степени несвободы механизм, отличавшийся не формой наказания, а его длительностью и внешними признаками.

Любое перемещение за пределы населённого пункта, определённого как место обязательного проживания, допускалось исключительно при наличии специального разрешения. Независимо от расстояния – в пределах района, республики или всего Союза – выезды регулировались системой уведомлений, маршрутных листов и разрешений. Поводами могли служить поездки на рынок или ярмарку, служебные командировки, посещения родственников либо дорога к месту работы, находившемуся вне административных границ поселения.

В личных делах спецпоселенцев имеются различные формы документации, фиксировавшие данный порядок. Так, в декабре 1948 года один из спецпоселенцев подписал следующую расписку (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 539., Л. 5):

Расписка

Мне выселенцу Ш.Э., 1881 год рождения проживающему в г. Рубцовск Алтайского края объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выслан (а) на спецпоселение навечно, без права возврата к месту прежнего жительства, и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ.

Другие документы демонстрируют степень регламентации краткосрочных поездок (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 475., Л. 12):

Маршрутный лист

Действителен по четвёртое февраля 1954 г. М.Б., 1905 г.р., разрешён выезд из Боготольского района в с. Тюхтет Тюхтетского района и обратно, причём к месту назначения он должен следовать только через с. Чель.

При уклонении от указанного маршрута настоящий лист теряет силу, а владелец его подлежит задержанию.

По прибытии к месту назначения М.Б. обязан немедленно явиться на регистрацию, а по возвращении сдать маршрутный лист в органы МВД.

И.о. нач. Боготольского РО МВД”

Личные визиты также подлежали обязательному письменному согласованию как в этом заявлении от 14 июня 1954 года (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 476., Л. 6):

Прошу Вашего разрешения съездить в город ... к бабушке Ч.А., так как давно не виделись. Прошу моей просьбе не отказать.

Ограничения распространялись и на служебные командировки. Так, в апреле 1949 года начальник Областного управления кинофикации в г. Актюбинске направил ходатайство о разрешении на выезд для сотрудницы, состоящей на спецучете (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 133., Л. 6):

Начальнику областного управления МВД

По окончанию Алма-Атинского кинотехникума по путевке Министерства Кинематографии Казахской ССР в сентябре месяце 1948 г. на должность кинотехника Областного Управления Кинофикации прибыла тов. Б.М. В круг обязанностей которой входит систематически проверять техническое состояние каждой киноустановки и оказывать им техническую помощь. Этим возможностей она не имеет в данное время в силу того, что она состоит на спецучете в отделе переселений. Права выезда ей ограничены в течении последних 3-х месяцев никуда не выезжает.

На основании изложенного Областное Управление кинофикации просит Вас разрешить выезд на киноустановки по служебным делам в пределах области кинотехнику тов. Б.М.

Также в случае направления в служебные командировки спецпоселенцы были обязаны соблюдать установленный режим, включая обязанность отмечаться в комендатуре (в том числе по месту временного пребывания), что нередко затрудняло выполнение профессиональных обязанностей. В одном из агентурных донесений зафиксировано высказывание спецпоселенца-немца, направленного в составе симфонического оркестра на

траурное мероприятие, которое наглядно отражает напряженность, возникавшую между требованиями служебной деятельности и административными ограничениями (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 248., Л. 404):

«Нет, больше я никуда не поеду, с одной стороны правительственная комиссия строго следит, а с другой стороны комендатура, опоздать на игру ни как нельзя ни под каким видом (и на отметку тоже), иначе большая неприятность может быть».

В материалах спецкомендатур, привлеченных для настоящего исследования, зафиксированы многочисленные случаи привлечения спецпоселенцев к административной или уголовной ответственности за нарушение установленного режима. Непреднамеренное нарушение режима спецпоселения — такое как отклонение от предписанного маршрута по ошибке, пребывание вне места обязательного проживания по истечении срока разрешения, несвоевременная явка на отметку или утрата временного удостоверения – квалифицировалось как совершённый поступок и влекло за собой административное взыскание в виде денежного штрафа (или 5 суток), назначаемого на основании постановления коменданта. Например, в 1951 году спецпоселенец из контингента чеченцев, М.Г., занимавший должность директора горрайкомбината № 2 Сталинского района г. Алма-Ата и проживавший на станции Алма-Ата 1-я, был задержан в городе как нарушивший режим. Основанием стало отсутствие своевременно продлённого разрешения на выезд. Спецкомендант городской спецкомендатуры МВД №822 квалифицировал его действия как нарушение установленного порядка и постановил подвергнуть спецпоселенца административному взысканию в виде денежного штрафа в размере 100 рублей с обязательством предоставить квитанцию об оплате в десятидневный срок. Решение было оформлено постановлением коменданта при согласовании с начальником 9-го отдела Управления МГБ (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 98., Л. 12–14).

В другом случае, в 1953 году, спецпоселенка из контингента крымских татар была задержана на территории колхозного рынка, расположенного за пределами её места обязательного поселения, и оформлена как нарушитель режима. В постановлении коменданта спецкомендатуры №718 Алма-Атинского РО МВД отмечалось:

«рассмотрев имеющийся материал, установил, что спецпоселенка И.С. совершила проступок, заключающийся в том, что 24 сентября 1953 г., не имея разрешения органов МВД, выехала с места обязательного поселения — с. Малая станица – в г. Алма-Ата, где по личным делам находилась на колхозном рынке и была задержана как нарушитель режима.

На основании изложенного и руководствуясь постановлением СНК СССР №35 от 8 января 1945 г., постановил: спецпоселенку И.С., 1914 года рождения, уроженку Крымской области, проживающую в с. Малая станица Алма-Атинского района, за совершённый проступок подвергнуть штрафу в размере 25 рублей. Обязать спецпоселенку И.С. внести указанную сумму в Госбанк и предоставить квитанцию об оплате в спецкомендатуру в десятидневный срок после объявления настоящего постановления».

Постановление было официально объявлено спецпоселенке И.С., о чём в документе имеется соответствующая отметка с её подписью (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 8., Л. 2, 12).

В отличие от административных нарушений, нередко обозначаемых в документах как «поступки», таких как нарушение режима без умысла, самовольное (намеренное) оставление места спецпоселения, рассматривавшееся как побег, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года влекло наказание в виде 20 лет каторжных работ.

Рассмотрение дел в отношении лиц, чьи действия квалифицировались как побег, происходило следующим образом: комендант направлял соответствующие материалы, а само производство вёл следователь отдела УМВД области. Подготовленное следствием заключение направлялось для утверждения начальнику управления МВД, а также на санкционирование — прокурору области. В случае, если прокуратура считала представленные материалы недостаточными для дачи санкции на арест, дело передавалось в отдел по надзору за органами

милиции и МВД областной прокуратуры. Копия заключения данного отдела затем направлялась начальнику УМГБ области для исполнения (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 85., Л. 2–4).

Если спецпоселенец признавался виновным либо в ходе допроса в качестве обвиняемого признавал себя виновным по предъявленному обвинению в соответствии с вышеуказанным Указом ПВС СССР от 26 ноября 1948 г., следственное дело передавалось через 1-й спецотдел МВД на рассмотрение Особого совещания при МВД СССР. По такому сценарию рассматривалось дело спецпоселенки-калмычки, М.М., решение по которому датировано 23 марта 1949 года (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 472., Л. 60–62):

М.М., 1897 года рождения, уроженка Котинского района Ростовской области, по национальности калмычка, гражданка СССР, малограмотная, беспартийная, из крестьян-бедняков, специальности не имела, проживала на станции Алма-Ата 1-я по улице Ленина, дом №123, кв. 3, ранее не судима.

Не имея разрешения органов МВД, она самовольно покинула место постоянного поселения – г. Новосибирск – и в августе 1948 года прибыла в г. Алма-Ата, где в течение нескольких месяцев проживала без постановки на спецучёт, тем самым совершив преступление, предусмотренное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.

Мера наказания, назначенная в отношении М.М., – 20 лет каторжных работ.

Право на воссоединение с членами семьи

В ходе массовых депортаций народов в 1940-х годах, проводившихся в спешке и при минимальной организационной подготовке, десятки тысяч семей оказались разлучены. При осуществлении выселений члены одной и той же семьи оказывались в местах высылки в разных районах, областях, краях и республиках. В связи с тем, что подобное разъединение стало массовым явлением, в 1944 году были приняты меры по урегулированию воссоединения таких семей. Эти меры предполагали, что члены одной семьи, оказавшиеся в разных населенных пунктах, могли подать заявление и, при его одобрении, получить разрешение на перемещение с целью воссоединения (Земсков, 2005а: 155; Бердинских и др., 2015: 64).

Однако на практике процесс воссоединения шёл медленно. В марте 1948 года МВД СССР издало директиву № 38, предписывавшую ускорить рассмотрение подобных заявлений и придать процессу официальный характер – с целью закрепления воссоединённых семей в местах депортации. Тем не менее, реализация этой директивы натолкнулась на скрытое сопротивление со стороны местных руководителей, которые не желали терять прикреплённую рабочую силу. УМВД в таких случаях часто поддерживало позицию местных властей, отказывая в удовлетворении заявлений о воссоединении (Зберовская, 2006: 137).

Подобные случаи наблюдаются и среди спецпоселенцев Алма-Атинской области. Несмотря на наличие формальных процедур, реализация права на воссоединение регулировалась через сложную и не всегда прозрачную административную систему. Многочисленные зафиксированные кейсы свидетельствуют о том, что исполнение подобных заявлений зависело от местного контекста, ведомственных интересов и конкретной административной практики. Так, спецпоселенка из контингента крымских татар, проживавшая в Алма-Ате, в 1951 году подала заявление на имя Председателя Верховного Совета СССР с просьбой разрешить приезд её матери, проживавшей в Узбекской ССР (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 181., Л. 9):

«Матери уже 61 год, старушка, перед своей смертью хочет увидиться с дочерьми, т.е. с нами, поэтому убедительно просим Вашего разрешения приехать маме к нам в г. Алма-Ата на постоянное жительство или же хотя бы на 2–3 месяца».

Судя по содержанию дела, это было повторное обращение, так как на предыдущее ответа не поступило.

В ряде случаев органы МВД отказывали в удовлетворении подобных просьб, ссылаясь на «нецелесообразность». Так, в 1950 году старший брат – крымский татарин З.Э., находившийся на спецпоселении в Казахской ССР, – просил разрешения перевести своего

младшего брата с территории Марийской АССР в рамках воссоединения семьи. Однако МВД Марийской АССР отказало в соединении двух братьев – спецпоселенцев-крымских татар, сославшись на то, что один из них уже обеспечен жильём и трудоустроен, а значит, основания для перемещения отсутствуют (ҚР БП ҚСАЕАКА (Астана). Д. 15695(7156)., Л. 4):

«Юринское РО МВД Марийской АССР сообщает: запрашиваемый Вами выселенец З.Д. действительно проживает в нашем районе на спецпоселке Юркино.

З.Д. трудоустроен в лесной промышленности, обеспечен квартирой и индивидуальным огородом. В соответствии с инструкцией комендантов, соединение считаем нецелесообразным. Поэтому просим Вас отказать выселенцу З. Э. в соединении с братом».

Отдельные заявления касались воссоединения супругов. 13 апреля 1955 года спецпоселенка-немка, проживавшая в городе Юрга Кемеровской области РСФСР, направила запрос на разрешение съездить к мужу, проживающему в Алма-Ате Казахской ССР (ҚР БП ҚСАЕАКА. Ф. 9., Д. 370., Л. 14, 16, 34)

Эти рассмотренные примеры дают представление о том, как воссоединение семей в системе спецпоселений регулировалось не как гарантированное право, а как управляемая административная процедура. Формально задекларированные положения о воссоединении вступали в противоречие с практикой территориального прикрепления и ограничения мобильности спецконтингента. Возможность перемещения зависела от согласований между ведомствами и могла быть отложена или отклонена в силу местных ограничений или иных неформализованных факторов.

Возможность свободного труда

Даже в политически переосмысленном варианте формулировки институт прав человека в СССР трактовал труд в социалистическом обществе не только как право, но и как добровольный вклад гражданина в общее благо. Советские юристы подчеркивали, что в условиях социализма права человека обладают иной социальной природой, экономическими основами и целями, которым они служат. Эти права не только обеспечивали материальные условия существования граждан, но и создавали «поистине свободный труд» (Давтян, 2011: 44, 49).

Однако в случае спецпоселенцев, в отношении которых формально утверждалось, что они сохраняют все права граждан СССР, идеологическая конструкция «поистине свободного труда» вступала в прямое противоречие с их фактическим положением. В местах принудительного проживания они были лишены права свободно выбирать род деятельности и сталкивались с системной дискриминацией при трудоустройстве. Даже при наличии высокой квалификации, званий и профессиональных достижений спецпоселенцы не были защищены от увольнений или отказов в приеме на работу, основанных исключительно на их статусе.

Показателен случай спецпоселенца из контингента калмыков Ц. Н., на тот момент кандидата филологических наук и автора более сорока научных и рукописных работ. В 1951 году он обратился с заявлением к Председателю Комиссии ЦК ВКП(б), в котором просил помочь разобраться в его положении безработного, поскольку был уволен из Казахского государственного университета имени С. М. Кирова якобы по причине сокращения штатов, несмотря на то, что на его место был назначен человек, не имевший даже среднего образования. Он указывал, что настоящей причиной увольнения стал его статус спецпоселенца. Кроме того, в заявлении подчеркивается, что аналогичная ситуация произошла ранее – в марте 1949 года он, как спецпоселенец, был уволен из Хакасского научно-исследовательского института, где занимал должность заведующего сектором языка (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 444., Л. 35–37).

Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что дискриминация по отношению к спецпоселенцам была не эпизодической, а встроенной в государственные механизмы управления. Спецпоселенцы могли быть в любой момент лишены права на труд по распоряжению органов государственной безопасности. Так, в июле 1952 года заместитель начальника отдела МГБ КазССР направил совершенно секретное письменное поручение

начальнику 9-го отдела Управления МГБ Алма-Атинской области о необходимости уволить спецпоселенца по национальности турок с места его работы:

«Здесь, в Алма-Атинском Горпромторге работает в качестве инженера-строителя ссыльный Б.З. В связи с возникшей оперативной необходимостью просим предложить директору Горпромторга ... (телефон № 24–30) в трехнедельный срок уволить Б.З. с работы и произвести с ним полный расчет. Ввиду важности намечающихся нами мероприятий просим ускорить исполнение нашего запроса».

Интересно, что в автобиографии, написанной спецпоселенцем от руки, и в личном листке по учёту кадров это увольнение указывается как произошедшее «в связи с длительной болезнью» (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 410., Л. 7–11).

Пятистраничная жалоба спецпоселенца из контингента «немцы», дважды направленная Председателю Президиума Верховного Совета СССР (впервые 12 января и повторно 24 мая 1953 года), может служить ещё одним показательным примером. Ссылаясь на статьи Сталинской Конституции, провозглашавшие равные права всех граждан, автор подчёркивает, что его систематически увольняют с рабочих мест, несмотря на наличие квалификации, опыта и отсутствие нарушений. Он также указывает, что неоднократно обращался в МГБ, однако «не были приняты никакие меры», поскольку, по его мнению, органы «сами были заинтересованы в дискриминации и ущемлении». Жалоба содержит ряд конкретных ситуаций, одна из которых звучит следующим образом (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 248., Л. 382–383):

«Надо мной как бы издеваются. Работая не по квалификации в кино Кировец на заниженной зарплате, вдруг меня хотели уволить, а когда вопрос встал на основе чего, то из кинофикации ответили, что по приказанию свыше».

Даже если дело не доходило до таких крайностей, каждый спецпоселенец находился в уязвимом положении перед работодателем, не говоря уже о системном контроле. Уязвимость перед работодателем была одним из ключевых факторов восприятия спецпоселенца системой, так как регулярное предоставление характеристики от работодателя спецкомендатуре являлось частью системы надзора. Эти характеристики подшивались в личное дело спецпоселенца. Примеров можно привести множество, но ограничимся несколькими. Так, тренер Н.П., работавший в Областном совете общества «Динамо», был охарактеризован как высокопрофессиональный специалист с организаторскими способностями и реальными успехами на республиканском уровне. В заключении говорилось: «Широко передаёт свой большой практический спортивный опыт и активно участвует в общественной секционной работе» (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 28., Л. 32).

Наряду с развёрнутыми характеристиками, в архивах широко представлены типовые служебные справки, подтверждающие факт трудоустройства спецпоселенцев. Эти документы выполняли не только удостоверительную, но и контрольную функцию. Один из таких показательных примеров – справка, датированная ноябрём 1953 года и выданная спецпоселенцу из контингента крымских татар 1933 года рождения, для предоставления в УМГБ Западно-Казахстанской области (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 405., Л. 6):

СПРАВКА

Дана настоящая А.Н. в том, что он действительно работает на Уральском Ликерно-водочном заводе в должности шофера с 10 апреля 1951 года. Справка дана для предоставления в УМГБ ЗАП. КАЗ. ОБЛАСТИ

Таким образом, трудовое поведение спецпоселенцев постоянно находилось под надзором, а их доступ к работе зависел не столько от профессиональных способностей, сколько от административного регулирования и множества сопутствующих факторов. Более того, они были лишены возможности выбирать место работы и трудились в условиях жёсткого контроля и надзора, при этом само право на отказ от работы фактически не рассматривалось. Всё это прямо противоречило представлениям о труде как о добровольной и свободной деятельности, декларируемым в советской правовой доктрине.

Право на образование

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что дети спецпоселенцев систематически сталкивались с различными ограничениями в доступе к образованию. В ряде поселений местные органы власти не разрешали им выезжать на учёбу и ограничивали приём в средние и высшие учебные заведения (Земсков, 2005а: 239). В Казахской ССР подобные меры были закреплены и на нормативном уровне. В мае 1952 года постановлением ЦК КП (б) Казахстана под грифом «строго секретно» были установлены лимиты на приём спецпоселенцев в ряд учебных заведений, включая Казахский сельскохозяйственный, ветеринарно-зоотехнический, медицинский, Чимкентский технологический и учительские институты (за исключением Алма-Атинского). При этом приём в ведущие вузы Алма-Аты – Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, юридический, горно-металлургический, физкультурный и педагогический институты, а также консерваторию – предписывалось полностью прекратить (Материалы, 2022: 223).

Более того, даже в те учебные заведения, где приём был формально разрешён, из числа спецпоселенцев могли быть зачислены только те, кто успешно выдержал конкурс, в первую очередь – коммунисты и комсомольцы, активно проявившие себя в производственной и общественной работе. Их приём ограничивался количеством, установленным в прилагаемом к постановлению списке, обязательном к исполнению. Таким образом, доступ к образованию приобретал характер допуска на основе политически мотивированного отбора.

Особое положение занимала Алма-Ата, столица Казахской ССР, фактически закрытая для большинства спецпоселенцев как место получения образования, о чём свидетельствует наличие в их личных делах документальных указаний, прямо запрещающих обучение в учебных заведениях города. Так, в справке МГБ от июля 1951 года, адресованной начальнику УМГБ Актюбинской области и помеченной грифом «совершенно секретно», сообщалось об отказе в выезде в Алма-Ату для сдачи вступительных экзаменов в мединститут спецпоселенке 1932 года рождения из контингента крымских татар. Ей рекомендовалось выбрать любое другое учебное заведение в пределах Казахской ССР, за исключением города Алма-Аты (КР БП ҚСАЕАКА. Ф. 9., Д. 403., Л. 13):

«В выезде в гор. Алма-Ату спецпоселенке З.Б. для сдачи вступительных экзаменов в мединститут МГБ Казахской ССР отказано.

Порекомендуйте З.Б. поступить в Карагандинский мединститут или в другое учебное заведение в пределах Казахстана за исключением гор. Алма-Аты».

Аналогичная ситуация отражена в заявлении от ноября 1949 года спецпоселенца 1931 года рождения из контингента немцев. Обращаясь к коменданту Кировской спецкомендатуры, он сообщал, что в связи с полученным отказом на выезд для учёбы в Алма-Ату намерен впредь ходатайствовать уже о поступлении в другие города (КР БП ҚСАЕАКА. Ф. 9., Д. 118., Л. 16–17):

«Я желал бы продолжить учёбу и поэтому обращался к вам с просьбой о выдаче мне разрешения на выезд в г. Алма-Ату в мединститут. Вами в просьбе отказано... в марте–апреле сего года я вновь обращаюсь к вам с этой просьбой, но уже не в г. Алма-Ату, а в другие города республики».

Эти примеры демонстрируют, что возможность получения образования в Алма-Ате была систематически закрыта для спецпоселенцев, независимо от их академических достижений или стремления учиться. Однако, как показано в других источниках, отдельные случаи допуска в столичные вузы всё же имели место – либо в рамках строго лимитированного приёма, либо как форма поощрения за факт причастности к сотрудничеству с органами комендатур, включая участие в агентурно-осведомительной работе (Volatkhan, 2023: 315).

Таким образом, можно утверждать, что доступ к высшему образованию, как правило, оставался закрытым для спецпоселенцев. Согласно устному свидетельству респондента греческого происхождения, имевшего опыт жизни в условиях спецпоселения, ему пришлось поступить в техникум, поскольку, по его словам, статус спецпоселенца исключал возможность

подачи документов в вуз. В ряде случаев продолжение образования после школы оказывалось невозможным вовсе.

Особую выразительность этой политике ограничений придаёт обращение спецпоселенки-немки 1932 года рождения в письме от 30 апреля 1952 года, адресованном секретарю ЦК КП(б) Казахстана с просьбой посодействовать в получении разрешения на выезд для подачи документов на учебу:

«Комендант посылает меня в колхоз на поля. Так неужели я училась 10 лет и государство затрачивало на меня деньги 10 лет, чтобы потом послать с мотыгой копать арыки? Перед моими глазами уйдут ученики этого выпуска в институт, а я вновь осталась...».

Только после многократных обращений ей разрешили покинуть место обязательного поселения, но лишь при условии предоставления официального подтверждения о допуске к экзаменам (ҚР БП ҚСАЕАКА. Ф. 9., Д. 230., Л. 21–22, 37).

Этот случай наглядно демонстрирует, что доступ к образованию регулировался не правом, а разрешением, зависящим от усмотрения органов. Таким образом, формально провозглашённое право на образование, развитие и выбор будущего заменялось системой административной фильтрации, лишая спецпоселенцев не только возможности учиться, но и фундаментального права на мечту.

Даже в тех редких случаях, когда спецпоселенцы получали допуск к обучению после окончания школы, их положение оставалось уязвимым и зависимым от административных характеристик. Показателен в этом отношении пример характеристики, выданной спецпоселенцу 1932 года рождения с места обучения для предоставления в спецкомендатуру (ҚР БП ҚСАЕАКА (Алматы). Ф. 9., Д. 234., Л. 11):

«В 1953 году по окончании средней школы в пос. имени Панфилова Илийского района поступил на I-й курс Зоотехнического факультета Алма-Атинского зооветеринарного института.

Г.А. – скромный и дисциплинированный студент. Учится хорошо. Принимает участие в физкультурном кружке».

Заключение

Несмотря на то что в первом пункте постановления СНК СССР от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев» утверждалось, что они сохраняют все права граждан СССР, последующие пункты этого же документа устанавливали многочисленные ограничения (Сталинские депортации, 2005: 563). Дополнительные меры, введённые Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «О применении уголовной ответственности к лицам, совершающим побег с мест обязательного поселения», фактически нивелировали любые провозглашённые права. Более того, ведомственные инструкции для структурных органов закрепили систему спецпоселений как режим постоянного контроля и надзора. Таким образом, повседневная жизнь спецпоселенцев оказывалась в прямом противоречии с основополагающими принципами советской Конституции 1936 года и нарушала базовые права человека.

Во-первых, спецпоселенцы были лишены права выбора места жительства. Их проживание строго ограничивалось территорией, указанной в предписании и не могли изменить его по собственному желанию. Эта практика сохранялась независимо от условий проживания и часто означало жизнь в удалённых, экономически депрессивных или экологически неблагоприятных регионах.

Во-вторых, спецпоселенцы были лишены права свободного передвижения. Покидать место обязательного проживания без разрешения коменданта спецкомендатуры было запрещено. Несанкционированный выезд квалифицировался как нарушение режима и приравнивался к побегу, влекущему за собой уголовное преследование. Если изначально за это предусматривались административные наказания (штраф до 100 рублей или арест до 5 суток), то с 1948 года в соответствии с вышеуказанным указом подобное нарушение каралось

20 годами каторжных работ. Указ также закреплял бессрочный характер выселения, приравнивая депортированных к лицам, подлежащим пожизненной ссылке, без права на возвращение к прежнему месту жительства.

В-третьих, все трудоспособные спецпоселенцы обязаны были заниматься общественно полезной деятельностью, определяемой местными органами власти. Право на свободный выбор деятельности и условий труда отсутствовало. Трудоустройство происходило в сферах сельского хозяйства, промышленности, строительства и кооперации без учёта квалификации, предыдущего опыта или личных предпочтений. Возможности карьерного роста, повышения квалификации или перехода на другую работу были крайне ограничены и зависели от лояльности и мнения руководства, что создавало условия произвола и дискриминации.

В-четвертых, правовой статус спецпоселенца серьёзно ограничивал возможность воссоединения с членами семьи. Даже в случае, если члены семьи были высланы в разные регионы и находились в разных спецпоселениях, просьбы о переводе для проживания вместе рассматривались с трудностями и не редко отклонялись. Это приводило к многолетнему разъединению семей, нарушению права на частную и семейную жизнь. Воссоединение родителей с детьми, супругов, братьев и сестёр зачастую становилось невозможным, что превращалось в дополнительный элемент репрессивного давления.

В-пятых, дети спецпоселенцев испытывали системные ограничения в доступе к образованию и возможностях самореализации. Спецпоселенцам систематически отказывали в поступлении в высшие учебные заведения по месту их желания, независимо от успеваемости и способностей. Кроме того, строгие ограничения на передвижение делали невозможным сдачу вступительных экзаменов или обучение вне места спецпоселения, фактически лишая их шанса подать документы в учреждения за его пределами. Дети спецпоселенцев, родившиеся в местах ссылки, наследовали статус родителей, подвергались надзору и стигматизации, воспринимаясь как «потомки предателей», что наносило моральные и психологические страдания.

Совокупность ограничений – принудительное прикрепление к месту жительства, утрата свободы передвижения, невозможность свободного труда, разобщение семей и блокировка образовательных траекторий – свидетельствует о наличии институционализированной системы долговременного лишения базовых прав. Правовая риторика, сопровождавшая статус спецпереселенцев, служила фасадом, за которым скрывалась повседневная практика репрессий. Эта система, формально маскируемая под юридическое равенство, в действительности функционировала как механизм коллективного наказания и социального исключения. Такая практика не только противоречила Конституции СССР 1936 года, но и нарушала фундаментальные принципы прав человека.

Источники

АКПССУ ГП РК (ҚР БП ҚСАЕАКА) — Архив Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

Sources

QR BP QSAEAKA — the Archive of the Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of Qazaqstan.

Литература

Бердинских и др., 2015 — *Бердинских, В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И.* Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с.

Болатхан, Калыбекова, 2024 — *Болатхан А., Калыбекова М.* «Указники» в системе спецпоселений (1948–1956) // Отечественная история, 2024. Т. 27. № 4. С. 925–950. DOI: https://doi.org/10.51943/2788-9718_2024_27_4_925-950

Бугай, 1992 — *Бугай Н.* “Что это было?” // Иосиф Сталин – Лаврентию Бери: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. Москва: Дружба народов, 1992. 288 с.

Давтян, 2011 — *Давтян Ваграм.* Идея прав человека в советской юридической науке (1946–1991 гг.). Диссертация ... к.юр.н. Москва: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2011. 171 с.

- Зберовская, 2006 — *Зберовская Елена*. Спецпоселенцы в Красноярском крае: 1940–1950-е гг. Диссертация к.и.н. Красноярск, 2006. 247 с.
- Земсков, 2005 — *Земсков Виктор*. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. Диссертация д.и.н., М.: Институт российской истории РАН, 2005. 415 с.
- Материалы, 2022 — *Материалы* Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий 20-50 годы XX века. Т. 7. Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы. Сборник документов и материалов. Составители тома Г.В. Кан, Р.М. Жумашев, Д.К. Шотбакова, Б.Р. Шериязданов, С.В. Елеуханова, В.В. Козина, Ю.Н. Подапригора, А.К. Мейрамбеков / Под общ. ред.: Е.Т. Карина. Астана, 2022. 368 с.
- Сталинские депортации, 2005 — *Сталинские депортации*. 1928–1953 // Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с.
- Шадр, 2000 — *Шадр Александр*. Спецпоселение российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг. Диссертация к.и.н. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2000. 258 с.
- Шнайдер, 2008 — *Шнайдер Владимир*. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество: 1917 – конец 1950-х гг. Диссертация д.и.н., Армавир: Ставропольский государственный университет, 2008. 491 с.
- Bolatkhan, 2023 — *Bolatkhan Aliya*. Selective Favoritism and Confirmed «Sovietness» among Kalmyk Special Settlers within the Qazaq SSR. *Qazaq Historical Review*, 2023. No. 1(3). Pp. 308–330. // URL: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2023.3.308.330>
- Hirsch, 2002 — *Hirsch Francine*. Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*, 2002. No. 61(1). Pp. 30–43.
- Hirsch, 2005 — *Hirsch Francine*. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005. 392 p.
- Khodarkovsky, 1992 — *Khodarkovsky Michael*. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Cornell University Press, 1992. 280 p.
- Martin, 1998 — *Martin Terry*. Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*, 1998. No. 70 (4). Pp. 813–861.
- Naimark, 2001 — *Naimark Norman M*. Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 256 p.
- Naimark, 2010 — *Naimark Norman M*. Stalin’s Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010. 176 p.
- Weitz, Eric, 2003 — *Weitz, Eric D*. A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation. Princeton: Princeton University Press, 2003. 368 p.

References

- Beridinskikh, et. al, 2015 — *Beridinskikh V.A., Beridinskikh I.V., Verem’ev V.I*. Sistema spetsposelenii v Sovetskom Soiuzе 1930–1950-kh godov [The System of Special Settlements in the Soviet Union, 1930s–1950s]. Syktyvkar: IYaLI Komi NC UrO RAN, 2015. 244 p. (In Russ.).
- Bolatkhan, 2023 — *Bolatkhan Aliya*. Selective Favoritism and Confirmed «Sovietness» among Kalmyk Special Settlers within the Qazaq SSR. *Qazaq Historical Review*, 2023. No. 1(3). Pp. 308–330. // URL: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2023.3.308.330>
- Bolatkhan, Kalýbekova, 2024 — *Bolatkhan A., Kalýbekova M*. “Ukazniki” v sisteme spetsposelenii (1948–1956) [“Ukazniki” in the System of Special Settlements (1948–1956)]. *Otechestvennaia istoriia*, 2024. Vol. 27. No. 4. Pp. 925–950. // DOI: https://doi.org/10.51943/2788-9718_2024_27_4_925-950
- Bugai, 1992 — *Bugai N*. “Chto eto bylo?” In: Iosif Stalin – Lavrentii Berii: ‘Ikh nado deportirovat’...’: Dokumenty, fakty, kommentarii [Joseph Stalin – Lavrentii Beria: ‘They Must Be Deported...’: Documents, Facts, Comments]. М.: Druzhba narodov, 1992. Pp. 3–15. (In Russ.).
- Davtyan, 2011 — *Davtyan V*. Ideia prav cheloveka v sovetskoj iuridicheskoi nauke (1946–1991 gg.): dissertatsiia ... k. iur. n. [The Idea of Human Rights in Soviet Legal Science (1946–1991): PhD Dissertation in Law]. М.: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2011. 171 p. (In Russ.).
- Hirsch, 2002 — *Hirsch Francine*. Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*, 2002. No. 61(1). Pp. 30–43.
- Hirsch, 2005 — *Hirsch Francine*. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005. 392 p.
- Khodarkovsky, 1992 — *Khodarkovsky Michael*. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Cornell University Press, 1992. 280 p.
- Martin, 1998 — *Martin Terry*. Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*, 1998. No. 70 (4). Pp. 813–861.
- Naimark, 2001 — *Naimark Norman M*. Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 256 p.
- Naimark, 2010 — *Naimark Norman M*. Stalin’s Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010. 176 p.

Shadt, 2000 — *Shadt Aleksandr*. Spetsposelenie rossiiskikh nemtsev v Sibiri, 1941–1955 gg. [Special Settlement of Russian Germans in Siberia, 1941–1955]. PhD dissertation in History. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2000. 258 p. (In Russ.).

Shnaider, 2008 — *Shnaider Vladimir*. Natsional’noe stroitel’stvo kak faktor sotsiokul’turnoi integratsii narodov Severnogo Kavkaza v sovetskoe obshchestvo: 1917 – konets 1950-kh gg. [Nation-Building as a Factor of Sociocultural Integration of the Peoples of the North Caucasus into Soviet Society: 1917 – Late 1950s]. PhD dissertation in History. Armavir: Stavropol State University, 2008. 491 p. (In Russ.).

Stalinskie deportatsii, 2005 — *Stalinskie deportatsii*. 1928–1953 [Stalinist Deportations. 1928–1953] // Ed.: Pabol’ N.L., Polian, P.M. (eds.). M.: Materik, 2005. 904 p. (In Russ.).

Weitz, Eric, 2003 — *Weitz, Eric D.* A Century of Genocide. Utopias of Race and Nation. Princeton: Princeton University Press, 2003. 368 p.

Zberovskaia, 2006 — *Zberovskaia Elena*. Spetsposelentsy v Krasnoiarskom krae: 1940–1950-e gg. [Special Settlers in the Krasnoyarsk Region: 1940s–1950s]. PhD dissertation in History. Krasnoiarsk, 2006. 247 p. (In Russ.).

Zemskov, 2005 — *Zemskov Viktor*. Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960 [Special Settlers in the USSR. 1930–1960]. PhD dissertation in History. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2005. 415 p. (In Russ.).

МАЗМҰНЫ

ТАРИХНАМА ЖӘНЕ ДЕРЕКТАНУ

Буланов Е.О. ИЛИЯС ЖАНСҮГІРОВ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ 1916 ЖЫЛҒЫ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ КӨТЕРІЛІС МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	633
Каримов Қ.С., Гокче М., Түрсүн Х.М. ӨЗБЕКӘЛІ ЖӘНІБЕКОВТЫҢ ҚОҒАМДЫҚ-САЯСИ ҚЫЗМЕТІНДЕГІ ҰЛТТЫҚ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	650

ТАРИХ

Абдимомынов Н.Т., Сауырқан Е. ВЕНЕЦИЯ, ГЕНУЯ ЖӘНЕ АЛТЫН ОРДА: XIII–XIV ҒҒ. СОЛТҮСТІК ҚАРА ТЕҢІЗДЕГІ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛДЫҚ САУДА-САТТЫҚТЫҢ ДАМУЫ.....	662
Абуов Н.А., Ильясова Г.С., Уалиева С.К. СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ОБЛЫСЫНЫҢ ШАҒЫН ҚАЛАЛАРЫ: ТАРИХЫ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫНЫҢ ТАЛДАУЫ.....	679
Абылов Т.Т., Муталиев М.Қ., Қазмұханов Р.М. АЛТЫН ОРДА МЕН МӘМЛҮК МЕМЛЕКЕТІ АРАСЫНДАҒЫ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРДАҒЫ ДІННІҢ РӨЛІ.....	696
Байгабатова Н.К., Ишкалова Г.И. XIX–XX Ғ. БАСЫНДАҒЫ СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖЕР ҚАТЫНАСТАРЫН ЗЕРТТЕУДЕ АРХИВ МАТЕРИАЛДАРЫ ДЕРЕК РЕТІНДЕ (ҚР ОМА ҚҰЖАТТАРЫ НЕГІЗІНДЕ).....	709
Болатхан Ә. ЗАҢДЫЛЫҚ – ИДЕОЛОГИЯ, ШЕТТЕТУ – ТӘЖІРИБЕ: КҮШТЕП ҚОНЫС АУДАРУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ «ЖАЗАЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР» (1948–1953).....	727
Доскараева А.А., Мұхатова О.Х. XVII ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫ – XVIII ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ШИРЕГІНДЕГІ ҚАЗАҚ-БҰХАР ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ (САЯСИ АСПЕКТ).....	743
Дьякова Е.В. НЕМІС ОККУПАЦИЯСЫНДАҒЫ ҮГІТ-НАСИХАТ ЖҰМЫСТАРЫ: ХАРЬКОВТАҒЫ «ЖАҢА УКРАИНА» ГАЗЕТІНІҢ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ РӨЛІ (1941–1943).....	760
Исмагулов Ұ.Ш., Конбай Е. 1920-ЖЫЛДАРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ ЖӘНЕ ПАНАСЫЗ БАЛАЛАР МӘСЕЛЕСІ (АҚТӨБЕ АРХИВІ ДЕРЕКТЕРІ БОЙЫНША).....	773
Йорулмаз О., Токжигитова М.А. ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ӨңІРІНЕН РЕПРЕССИЯҒА ҰШЫРАҒАН МҰСЫЛМАН ДІНБАСЫЛАРЫ (1920–1940 ЖЖ.).....	787
Қаипбаева А.Т., Белялова А. ПАНАСЫЗ БАЛАЛАРДЫ ӘЛЕУМЕТТІК ҚОРҒАУДЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ЖҮЙЕСІ (1920–1930 жж.).....	803
Қара Ә., Тайман С.Т. Жарбулова С.Т. МҰСТАФА ШОҚАЙДЫҢ ИДЕЯЛАРЫ ЖӘНЕ ТҮРКІ МЕМЛЕКЕТТЕРІ ҰЙЫМЫНЫҢ СТРАТЕГИЯЛЫҚ МИССИЯСЫ.....	823
Сейітханұлы Ш. ТҮРІКТЕР МЕН МОҢҒОЛДАРДЫҢ КӨШПЕЛІ ӨМІР САЛТЫНЫҢ ОРТАҚ ҚЫРЛАРЫ.....	840
Сулейменова А.Т. КӨШПЕЛІ ЖӘНЕ ЖАРТЫЛАЙ КӨШПЕЛІ ШАРУАШЫЛЫҚТАРДЫ КҮШТЕП ОТЫРЫҚШЫЛАНДЫРУ ДӘСТҮРЛІ РУЛЫҚ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТЫ ЖОЮ ШАРАЛАРЫНЫҢ БІРІ РЕТІНДЕ (XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫ).....	855
Ташагыл А., Нурсултанова Л.Н., Танатарова Ж.Т. ИРАН-ТӘЖІК САУДА-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРЫ: ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ МЕН БОЛАШАҒЫ.....	872

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ

Есенаманова А.С., Қалыш А.Б. ДӘСТҮРЛІ КИІМ АРҚЫЛЫ МАТЕРИАЛДЫҚ МӘДЕНИЕТТІ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯЛАУ: ҚАЗАҚСТАН МУЗЕЙ КЕҢІСТІГІНДЕГІ ТҮРКІ МӘДЕНИ МҰРАСЫ.....	887
Қалшабаева Б.К., Егізбаева М.Қ. ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЫҒЫСЫНДАҒЫ ҚАНДАСТАР: КӨШІ-ҚОНЫ МЕН БЕЙІМДЕЛУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	900
Сыздықова Г.М. СОЛТҮСТІК, ОРТАЛЫҚ ЖӘНЕ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОБЛЫСТЫҚ ОРТАЛЫҚТАРЫНДАҒЫ ТҮРҒЫНДАРДЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗГЕРУІ (2009–2024 ЖЖ.).....	916

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Буланов Е.О. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОДИТЕЛЬНОГО ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИЛЬЯСА ЖАНСУГУРОВА.....	633
Каримов К.С., Гокче М., Турсун Х.М. ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЗБЕКАЛИ ЖАНИБЕКОВА.....	650

ИСТОРИЯ

Абдимомынов Н.Т., Сауыркан Е. ВЕНЕЦИЯ, ГЕНУЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА: РАЗВИТИЕ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII–XIV ВЕКАХ.....	662
Абуов Н.А., Ильясова Г.С., Уалиева С.К. МАЛЫЕ ГОРОДА СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И АНАЛИЗ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ.....	679
Абылов Т.Т., Муталиев М.К., Казмуханов Р.М. РОЛЬ РЕЛИГИИ В ОТНОШЕНИЯХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И МАМЛЮКСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	696
Байгабатова Н.К., Ишкалова Г.И. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ ЦГА РК).....	709
Болатхан А. ИДЕОЛОГИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАКТИКА ИСКЛЮЧЕНИЯ: «НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ» В СИСТЕМЕ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ (1948–1953 ГГ.).....	727
Доскараева А.А., Мухатова О.Х. КАЗАХСКО-БУХАРСКИЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЯ В 30-Х ГОДАХ XVII ВЕКА – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	743
Дьякова Е.В. АГИТАЦИОННАЯ РАБОТА ПОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ УКРАИНА» В ХАРЬКОВЕ (1941–1943).....	760
Исмагулов У.Ш., Конбай Е. ГОЛОД НАЧАЛА 1920-Х ГГ. И ПРОБЛЕМЫ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ (ПО ДАННЫМ АКТЮБИНСКОГО АРХИВА).....	773
Йорулмаз О., Токжигитова М.А. РЕПРЕССИРОВАННОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА 1920–1940-Х ГОДОВ.....	787
Каипбаева А.Т., Белялова А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ (1920–1930 ГГ.).....	803
Кара А., Тайман С.Т., Жарбулова С.Т. ИДЕИ МУСТАФЫ ЧОКАЕВА И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МИССИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ.....	823
Сейтхан Ш. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ТЮРКОВ И МОНГОЛОВ.....	840
Сулейменова А.Т. НАСИЛЬСТВЕННОЕ ОСЕДАНИЕ КОЧЕВЫХ И ПОЛУКОЧЕВЫХ ХОЗЯЙСТВ КАК ОДНА ИЗ МЕР ПО ИСКОРЕНЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (30-Е ГОДЫ XX ВЕКА).....	855
Ташагил А., Нурсултанова Л.Н., Танатарова Ж.Т. ИРАНО-ТАДЖИКСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	872

ЭТНОЛОГИЯ/АНТРОПОЛОГИЯ

Есенаманова А.С., Калыш А.Б. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ: ТЮРКСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА.....	887
Калшабаева Б.К., Егизбаева М.К. КАНДАСЫ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ.....	900
Сыздыкова Г.М. ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОГО, ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (2009–2024 ГГ.).....	916

CONTENTS

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Bulanov E.O. THE ISSUES OF THE NATIONAL LIBERATION UPRISING OF 1916 IN THE WORKS OF ILYAS ZHANSUGUROV.....	633
Karimov K.S., Gökçe M., Tursun Kh.M. ISSUES OF NATIONAL IDENTIFICATION IN UZBEKALI ZHANIBEKOV’S SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITIES.....	650

HISTORY

Abdimomynov N.T., Sauyrkan Ye. VENICE, GENOA, AND THE GOLDEN HORDE: THE DEVELOPMENT OF TRANSCONTINENTAL TRADE IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE 13TH–14TH CENTURIES.....	662
Abuov N.A., Ilyassova G.S., Ualiyeva S.K. SMALL TOWNS OF THE NORTH KAZAKHSTAN REGION: HISTORY AND ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION.....	679
Abylov T.T., Mutaliyev M.Kh., Kazmukhanov R.M. THE ROLE OF RELIGION IN RELATIONS BETWEEN THE GOLDEN HORDE AND THE MAMLUK STATE.....	696
Baigabatova N.K., Ishkalova G.I. ARCHIVAL MATERIALS AS A SOURCE FOR STUDYING LAND CONFLICTS IN NORTHERN KAZAKHSTAN IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON DOCUMENTS FROM THE CENTRAL STATE ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN).....	709
Bolatkhana A. LEGALITY AS IDEOLOGY AND EXCLUSION AS PRACTICE: THE “PUNISHED PEOPLES” IN THE SYSTEM OF SPECIAL SETTLEMENTS (1948–1953).....	727
Doskarayeva A.A., Mukhatova O.Kh. KAZAKH-BUKHARA RELATIONS IN THE 30S OF THE 17TH CENTURY AND THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY (THE POLITICAL ASPECT).....	743
Dyakova He.V. AGITATION WORK UNDER THE GERMAN OCCUPATION: THE IDEOLOGICAL ROLE OF THE NEWSPAPER “NOVA UKRAINE” IN KHARKOV (1941–1943).....	760
Ismagulov U.S., Konbay Y. THE PROBLEM OF FAMINE AND HOMELESS CHILDREN IN EARLY 1920S (BASED ON AKTOBE ARCHIVE).....	773
Yorulmaz O., Tokzhigitova M.A. REPPRESSED MUSLIM CLERGY IN SOUTH KAZAKHSTAN (1920s–1940s).....	787
Kaipbayeva A.T., Belyalova A. THE STATE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION FOR HOMELESS CHILDREN (1920s–1930s).....	803
Kara A., Taiman S., Zharbulova S. THE IDEAS OF MUSTAFA CHOKAYEV AND THE STRATEGIC MISSION OF THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES.....	823
Syeitkhan Sh. COMMON ASPECTS OF THE NOMADIC LIFE OF TURKIC AND MONGOLS.....	840
Suleimenova A.T. FORCED SETTLEMENT OF NOMADIC AND SEMI-NOMADIC FARMS AS ONE OF THE MEASURES TO ERADICATE TRADITIONAL TRIBAL RELATIONS (THE 30S OF THE TWENTIETH CENTURY).....	855
Tasagil A., Nursultanova L.N., Tanatarova Zh.T. IRANIAN-TAJIK TRADE AND ECONOMIC RELATIONS: CURRENT STATE AND PROSPECTS.....	872

ETHNOLOGY/ANTHROPOLOGY

Yessenamanova A.S., Kalysh A.B. THE REPRESENTATION OF MATERIAL CULTURE THROUGH TRADITIONAL COSTUME: THE TURKIC CULTURAL HERITAGE IN THE MUSEUMS SPACE OF KAZAKHSTAN.....	887
Kalshabayeva B.K., Egizbaeva M.K. THE KANDAS OF EASTERN KAZAKHSTAN: MIGRATION AND ADAPTATION ISSUES.....	900
Syzdykova G.M. CHANGING THE ETHNIC STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE REGIONAL CENTERS OF NORTHERN, CENTRAL AND EASTERN KAZAKHSTAN (2009–2024).....	916

ASIAN JOURNAL “STEPPE PANORAMA”

2025. 12 (3)

Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:
Копеева С.Ж.

Құрылтайшысы және баспагері:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Журнал сайты: <https://ajspiie.com>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЖЭИ басылған:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй